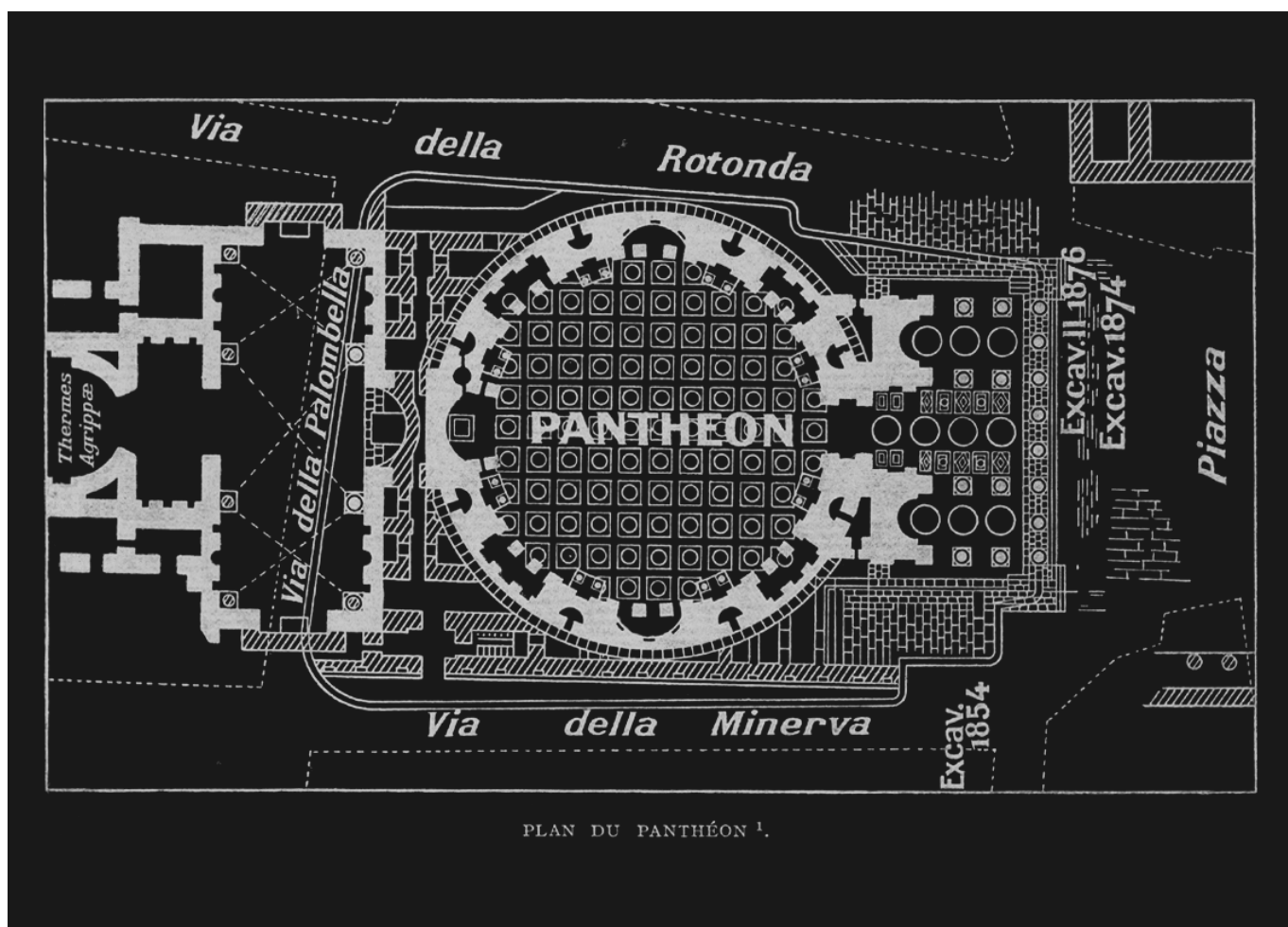

Городская местность как символическое пространство и ритуалы заложения города

МАРСЕЛЬ ЕНАФФ

13 БЕРЕЗНЯ 2019

Джерело: Emmanuel Rodocanachi

Начало в предыдущем номере

Появление на территории Плодородного полумесяца, особенно в Месопотамии, первых

известных нам городов (по крайней мере, согласно нынешним исследованиям) интересует нас не потому, что подобное в точности повторяется и в других местах, но поскольку оно отображает взаимосвязь материальных условий, необходимых для возникновения городов, а также создание символического пространства, формирующегося на базе этих условий. Впрочем, какими бы разнообразными не были причины возникновения города, с момента своего появления он представляет собой памятник – монумент, отображающий вселенную, произведение человеческих рук, но в то же время, обитель богов, центр политического пространства, которое он сам и выражает; это и образ, и инструмент.

Вместо того чтобы прописывать неточную генеалогию, сконцентрируем наше внимание на двух явлениях, которые достаточно хорошо задокументированы. Речь идёт о ритуалах заложения города и схемах его репрезентации. Заручившись этими феноменами, мы сможем выявить два основополагающих аспекта возникновения города как памятника. С одной стороны, это создание первичного символического пространства, а с другой, образование неразрывно связанного с ним сообщества.

Город – это привилегированное пространство отношений между людьми и богами. Город воссоздает на земле небесный мир. Это *зеркало небес*.

Как минимум одна деталь встречается и в текстах, и в археологических памятниках, дошедших до нас от многочисленных древних цивилизаций. Город – это привилегированное пространство отношений между людьми и богами. Город воссоздает на земле небесный мир. Это *зеркало небес*. Будь то сакральные курганы шумеров, зиккураты Месопотамии, или воздвигнутые на холмах греческие и римские храмы, повсюду археология (как подчеркивает С. Крамер¹) говорит нам об одной особенности. Город с самого своего возникновения сопряжен с религиозным символизмом (включая специфику цитадели и земляного вала), который, в свою очередь, связан с небесными божествами (с собственно небом, солнцем, светом). Все это противостоит низшему миру, который представляется как побеждённый, как древний мир земных божеств, сельского хозяйства и родовых отношений. В таких разных цивилизациях, как китайская, греческая, римская, японская, ацтекская, индийская и ближневосточная, очевидно, что построить город означает создать мир. Поэтому город как таковой уже является памятником. Это *глобальное произведение*, в котором обретают своё место все частные произведения. Исследования первых известных нам городов (в Палестине,

Месопотамии, долине Инда, Китае и позднее в Египте) показывают, что город являет себя *образом мира*. Город возводится как реплика космоса, как создание мира на земле, соответствующего миру богов. Он их именует и унифицирует. *Не случилось ли подобное ранее?* Конечно, случилось, но в иных формах. Сейчас они устарели, ведь город основательно изменил отношения человека с так называемым естественным миром. Боги и духи полей, водных источников, ветров и лесов сбежали. Город сослал их в низшие миры и пригласил в свои храмы новых божеств, поселив их в эмпирее. Божеств именуют, размещают в том или ином пантеоне, а после начинают воспевать, слагать о них рассказы, а также индивидуализировать в письменной традиции. Если город является миром, то, в первую очередь, потому, что его считают выражением сил, способных мир видоизменить. Так, город противопоставляет *созданный [человеком – прим. переводчика] мир* прежнему миру, который воспринимался как *дарованный*, был пространством равноправия и сосуществования людей и прочих существ. Город же иерархизирует небесных богов, людей и божеств преисподней; он воссоздает разрушенное им пространство в новом облике. Город – это мир, в силу того, что он создаёт мир и воплощает его в себе².

Одна из моделей заложения города: Античный Рим

Хорошим примером ритуала основания города является римский ритуал, который крайне торжественно изображает это событие. Заложение пространства города — это создание мира. По Римской традиции основание города должно следовать очень чёткому церемониалу (который нам знаком благодаря корпусу *Gromatici Veteres* — компиляции, составленной землемерами, *agrimensores* в эпоху императора Траяна, I век н.э.). Восходящий ещё к этрускам церемониал состоял из четырех частей:

- *inauguratio* или чтение гаруспиками небесных знаков (*signum ex caelo*) для выбора места заложения города. Для Ромула таким знаком с небес было появление двенадцати грифов. Именно по их вертикали была определена ось мира и центр самого Рима;
- *orientatio* или выбор географических осей (север-юг / восток-запад);
- *limitatio* или очерчивание рва, ограничивающего пространство города;
- *consecratio* или финальная церемония именованя города путем посвящения его защите одного или нескольких богов.

Отметим особенно важный момент церемонии: именно в *небе* определяется месторасположение города. Таково первое соприкосновение города и высшего мира. Второй значимый момент происходит во время *orientatio*, которое заключается в первичном определении восточно- западной оси (*decumanus*) согласно восходу и закату солнца. Затем перпендикулярно очерчивается северно-южная ось (*cardo*). Это нечто, походящее на стержень. Эта ось должна соответствовать идеальной линии, вокруг которой вращается небесная дуга. Но городское пространство всё ещё соотносится с божественным миром, ведь *limitatio* или первичное очерчивание с помощью плуга, первая борозда (*sulcus primogenius*) ограничивает чистое пространство, угодное богам³. На основании этого разграничения на земле геометрически прописываются границы различных частей города: городских стен, улиц, площадей. Все начинается с очерчивания прямоугольных дорог, основанных на осях *cardo* и *decumanus*. Далее приступают к выбору месторасположения храмов, первым элементом которых является *tumulus* – место правления Капитолийской триады (Юпитера, Юноны и Минервы), то есть главенствующих богов (*caput*). Это высшая точка города, откуда можно измерить взглядом всё городское пространство. Точно противоположно храму, символизирующему центр города (*umbilicus urbis*), вырыт ров, (*mundus*), связывающий город с остальным миром. Так, мир перемещается в самое сердце города. Туда зарывают принесённую с других территорий землю, туда кладут фрукты в качестве жертвы богам преисподней, ведь именно там пребывает низший мир – мир, в который изгнаны злые силы (буквально *Im-mondes* – брошенные в *mundus*). Двойной полюс между *caput* и *mundus* явно символизирует вертикальную ось городского пространства, устремившуюся ввысь, однако, подверженную необходимости (по меньшей мере, в точке перехода) считаться со своей противоположностью — древним миром земли и темных сил. Они представляются опасными и остаются необозначенными.

Создание мира было произведением архитектора, соответственно архитектурное создание города — это воссоздание мира. С появлением городов древние деревенские космогонии переписываются в рассказы о божественном происхождении.

Градостроение, несомненно, является религиозным действием, но не в меньшей степени также и юридическим, и геометрическим процессом. Границы очерчиваются на основании точных

подсчётов линий и углов прямоугольников, единства размеров, обеспеченных пропорцией – и всё это с помощью *groma* или пёрши землемерия. Как говорил автор I века н.э. Никомах Герасский: «Словно по плану архитектора, всё было создано в гармонии с Числом – и время, и движение, и небеса, и звёзды, и циклы всех вещей»⁴. Создание мира было произведением архитектора, соответственно архитектурное создание города — это воссоздание мира. С появлением городов древние деревенские космогонии переписываются в рассказы о божественном происхождении. И внезапно сам мир превращается в первичный артефакт – творение Божественного мастера (таков был греческий *demiourgos*).

Римская идея о том, что город создаётся по модели собственной идентификации с миром, может быть представлена через две цитаты. Первая, времён императора Августа, из Овидия: «Земли других народов ограничены твёрдым пределом; Риму предельная грань та же, что миру дана – *Romanae spatium est Urbis et Orbis idem*⁵; на что несколькими веками позже (в 416 году н.э.) отвечает галло-римлянин Рутилий Намациан: «Из того, что раньше было миром, ты создал город – *Urbem fecisti quod orbis erat*». Подразумевается: ты превратил город в мир. Город включает в себя мир, обобщая и интегрируя его, хотя изначально он способен лишь тождественно воспроизводиться. Мир превращается в город. Римское завоевание дублирует модель города Рима в каждой новой провинции, в каждой стране, подпадающей под власть империи: сакральное пространство, боги, памятники, разделения по осям, границы улиц и площадей. Каждый город, будучи локальным воспроизведением той самой модели Города (*urbs*), являлся каменной книгой, грамматикой пространства, на чьих страницах выразилась Римская мысль. Язык и стиль жизни, знания и искусства впоследствии заняли там своё место и начали процветать (археологические раскопки римских городов на равнине реки По, в долине Роны, в долинах Северной Африки и Ближнего Востока свидетельствуют о неразрывной связанности такой модели).

Марселю Энаффу in memoriam (1942-2018)

Перевела с французского Галина Помилуйко

Hénaff, M. (2008). Le cas des premières villes connues: Croissant Fertile, Mésopotamie. In *La ville qui vient* (pp. 32-40). Paris, L'Herne.

Примітки

1. Samuel N. Kramer, *L'Histoire commence à Sumer*, Paris, Arthaud, 1975 [orig. *History begins at Sumer*, Garden City, New York, Double Day, 1959].
2. Alain Charre, *Art et urbanisme*, Paris, PUF, 1983, ch. 1 «Les infrastructures romaines» ; Pierre Grimal, *Les Villes romaines*, Paris, PUF, 1977 ; A. Grandazzi, *La Fondation de Rome*, Paris, Les Belles Lettres, 1991.
3. Alain Charre, *Art et urbanisme*, Paris, PUF, 1983, ch. 1 «Les infrastructures romaines» ; Pierre Grimal, *Les Villes romaines*, Paris, PUF, 1977 ; A. Grandazzi, *La Fondation de Rome*, Paris, Les Belles Lettres, 1991.
4. Nicomaque de Gérèse, *Manuel d'harmonie*, cité in D. Payot, *Le Philosophe et l'architecte*, Paris, Payot, 1983, p. 68.
5. Ovide, *Les Fastes*, Livre II, 683-684, Paris, éd. Les Belles Lettres, 1957.